

От мультилингвизма/многоязычия к плюрилингвизму

Кристиан Тремблей,

Президент Европейской Обсерватории по плюрилингвизму

7 ноября 2007 г.

Статья переведена с французского языка на русский Натальей Баландиной

L'article traduit du français en russe par Natalia Balandina

В понятии мультилингвизма/ многоязычия, всплывающем во всех европейских дебатах по европейскому языковому вопросу, присутствует неопределенность.

Проще говоря, существует не одна, а две противоположных концепции мультилингвизма, рассудить которые призвано понятие плюрилингвизма.

Для начала необходимо обратиться к семантическому прояснению, чтобы затем выйти на геополитические и геостратегические аспекты.

Мальро говорил (и не только он один), что одной из самых больших трагедий человека является его неспособность называть вещи. Понятия мультилингвизма и плюрилингвизма позволяют назвать разные вещи, и этот выбор семантически объясним.

Семантическая характеристика

Оказывается - случайно ли? - что различие связано с определением плюрилингвизма, данным Советом Европы. По мнению Департамента по языковой политике, плюриязычным считается лицо, владеющее (на разных уровнях компетенции) несколькими языками. Термин "мультилингвизм"/"многоязычие", применительно к обществу, не позволяет точно определить, существует ли знание людьми нескольких языков или просто сосуществование нескольких языков в этом обществе. Вот почему, естественным дополнением к этому предложению, приводимом нами в первых строках Европейской Хартии плюрилингвизма (http://plurilinguisme.europe-avenir.com/index/php?option=com_content&task=view&id=332&Itemid=88888896)

будет сказать, что обществом плюрилингвизма является общество, члены которого в большинстве своем плюриязычны, и термин "мультилингвизм" /"многоязычие" может сохранить свой обобщающий и неопределенный характер.

Перед тем, как продолжить, отметим, что недавно появились проясняющие данный вопрос эссе, как и то, что большинству работ, написанных на эту тему, не хватает четкости. Например, Клод Ажеж (Claude Hagège) в «Ребенке с двумя языками» (*L'Enfant aux deux Langues*, 1996), возвращаясь к соображениям Клода Трюшо (Claude Truchot) (1994), меняет их смысл.

Хотя речь идет, главным образом, не о семантическом вопросе, все же остановимся на этом аспекте, перед тем, как оценить весь геополитическую величину различия между этими двумя моделями.

Мы сказали, что для человека быть плюриязычным или многоязычным, сводится к одному и тому же. Напротив, относительно общества, мы присутствуем при возрастающей дифференциации смыслов. Будучи вначале практически синонимами, сегодня плюрилингвизм и мультилингвизм отражают разные, если не сказать, противоположные реалии.

Действительно, для сообщества, сосуществование нескольких одноязычных, но говорящих на разных языках групп населения имеет лишь отдаленное отношение к ситуации, при которой члены населения в большинстве своем говорят на нескольких языках. Разумеется, между этими двумя разнящимися ситуациями существует целая градация промежуточных положений. Тем не менее, жаль, что один и тот же термин или два термина обозначают в равной степени две реалии, в конечном счете, имеющие довольно мало общего между собой.

Нам хотелось бы здесь одновременно объяснить, обосновать и установить законность дифференциации смыслов, происходящей на наших глазах, находящейся в процессе формирования, который будет длиться еще долгое время.

Итак, вот несколько аргументов в пользу этой точки зрения.

Всякий раз, когда к определенному предмету дается прилагательное, появляется море синонимов: например, человек многоязычный или плюриязычный, текст многоязычный или плюриязычный.

Когда же мы имеем дело с более сложной системой, все становится туманнее. Многопартийность и плюрипартийность ничем не отличаются по конституционному праву. Но множественность /плюральность и многочисленность - разные вещи. Многочисленность - это скорее увеличение в количестве одного и того же, тогда как множественность/плюральность - это увеличение в многообразии. Отсюда, например, происходит понятие политического плюрализма.

В слове "плюральный" содержится две семы единства и различия, которых нет в "многочисленном". Вероятно, по этой же причине "множественный"/"плюральный" допускает сосуществование двух противоположностей - "единого" и "своеобразного", тогда как "своеобразный" не является противоположностью "многочисленного".

"Своеобразность" не тождественна "единичности". В "своеобразности" кроется несокрушимая уникальность, которая из-за невозможности ее воспроизводства, не совместима с самой идеей об увеличении в количестве. Своеобразный человек, по причине своей своеобразности, имеет отношение к таким понятиям, как причуда, странность, эксцентричность, необычность, экстравагантность, оригинальность, которые порою употребляются с уничижительным оттенком. Своеобразие подчас плохо воспринимается окружающими. По этой же причине множественность поддерживает единство, сплоченность, тогда как многочисленность остается нейтральной с этой точки зрения.

Плюральный происходит от "плюс", что означает больше одного, но не обязательно многочисленный. Как человек плюриязычный ценится больше, чем человек одноязычный (император Карл V выразил подобную мысль, сказав, что человек, говорящий на четырех языках стоит четырех человек), также плюриязычная страна имеет бесспорное преимущество перед одноязычной страной. Сегодня одноязычие расценивается некоторыми как форма безграмотности. Зато в многоязычном государстве сложнее обеспечить единство и сплоченность. Без сомнения, Европа многоязычна, но она станет настоящей Европой, только тогда, когда станет плюриязычной.

Многоязычие в англосаксонском духе: многоязычие без плюриязычия

На базе приведенного семантического различия, очень четко вырисовываются две модели.

Существует мультилингвизм/многоязычие в англосаксонском духе, тесно связанное с коммуитаристскими, этнистскими идеями, уже около тридцати лет оказывающими влияние на американские научные исследования. Однако идеи, лежащие в их основе имеют намного более давнее происхождение, уходящее корнями непосредственно в историю Соединенных Штатов. Согласно этой концепции, общество представляется в виде тесно сосуществующих, движимых чувствами национальной идентичности общин, которые мало общаются между собой, и то во время коротких периодов примирений. Связующим элементом для них являются американская конституция и английский язык. Такую модель хвалит в одном из своих последних трудов Бернар-Анри Леви, противопоставляя ее республиканской модели на французский манер. В основном, общины практически уподобились индейским резервациям (французы из Америки, из Квебека, из Акадии, из Луизианы очень хорошо знают, что это значит). А в немного более приемлемой форме, это тот же мультилингвизм, который Британский Совет продолжает продвигать в Европе. Речь идет о многоязычии региональных, относящихся к меньшинствам языков, идущих *против*, а не *вместе* с официальными европейскими языками. Геостратегическая цель - видимо, установление гегемонии английского языка, при котором региональные языки и языки, относящиеся к национальным меньшинствам, превратятся в примету отставших от современности обществ.

Тот факт, что один и тот же термин используется для обозначения и мультилингвизма и плюрилингвизма, не случаен, потому что в английском языке не существует разницы между *этим* мультилингвизмом и *другим* мультилингвизмом, которое он пока еще не осмыслил. Термин "плюрилингвизм" не значится в словарях английского языка и если сделать запрос в поисковой системе la Toile на слово *plurilingualism*, можно проверить, что данный термин хоть и употребляется, но очень ограниченно. В результатах поиска он появляется в десять раз меньше, чем термин *multilingualism*.

Таким образом, эта модель, основанная на исчезновении культурных языков и

использовании английского языка как всеобщего средства общения, на самом деле, участвует в развитии типично колониального положения.

Другая концепция мультилингвизма/многоязычия (которую мы обозначаем термином (*плюрилингвизм*) находит свой источник в совершенно другом духе, близком к европейскому гуманизму.

Гуманистический плюрилингвизм

Согласно, этой концепции имеются не расположенные по соседству общины, но открытые общества, общающиеся между собой, взаимодействующие и перемешивающиеся таким образом, чтобы создавать новые самобытности, сохраняя и развивая свои собственные. Здесь существуют принятие другого, различие и непохожесть, которые являются источниками творчества и богатства. Это отношение к другому на личном и общественном уровнях сформулировано в понятии межкультурности или межкультурного диалога, который, на наш взгляд, в большей степени отражает смысл, нежели простое понятие культурного и лингвистического разнообразия, подчеркивающее различие и преуменьшая взаимодействие. По этой причине мы сближаем понятия плюрилингвизма и межкультурности. Необходимо подчеркнуть, что подобное понятие межкультурности отсутствует в американской модели мультилингвизма. Это отсутствие можно статистически проверить путем достаточно приблизительного, но показательного теста, выполненного с помощью поисковой системы la Toile, путем ввода на различных языках, с последующим сравнением с результатами на английском, терминов "этническая принадлежность" (*ethnicité*) и "межкультурность" (*interculturalité*) . Например, в отношении французского и испанского языков, результаты данного теста категоричны.

Результат следующий:

межкультурность : 247 000	этническая принадлежность: 619 000
interculturalidad: 885 000	etnicidad: 297 000
interculturality: 85 700	ethnicity: 57 500 000

Это наглядно показывает, что публикации на тему этнической принадлежности в 60 раз более часты в англосаксонском мире, чем в латинском мире, и что, наоборот, понятие межкультурности в 13 раз больше изучено в латинском мире, чем в англосаксонском. Естественно, необходим более тонкий подход и взгляд, обращенный внутрь Европы. Но все-таки тест хорошо показал наличие глубинной культурной проблемы.

Противопоставление, которое делается здесь между этими двумя моделями - мультилингвизма и плюрилингвизма - привязываемых к двум культурным и философским традициям, имеет систематический характер, присущий всякой попытке классификации. В действительности эти две модели сосуществуют в различных соотношениях, конечно, в Соединенных Штатах, но также и в Европе. На сегодняшний день именно концепция мультилингвизма, а не плюрилингвизма, рассматривается Еврокомиссией, как главенствующая, в противоположность первоначальной идее договоров.

В этом отношении *Новый стратегический стандарт для мультилингвизма* прекрасно разоблачает искусно поддерживаемую неопределенность по данному вопросу.

Осознанно употребляя термин "мультилингвизм" вместо "плюрилингвизм", он тем не менее толкует его как владение европейскими гражданами несколькими современными языками, что в действительности соответствует определению плюрилингвизма. По правилам Совета Европы, которые мы сделали нашими в Европейской Хартии плюрилингвизма, плюриязычное общество сформировано из людей, которые в большинстве своем плюриязычны или многоязычны, в противоположность мультиязычному/многоязычному обществу, которое может состоять из одноязычных людей, не знающих языки друг друга. Однако Еврокомиссия, уравнивая языки официальные, региональные или языки национальных меньшинств, и обходя стороной политический и институционный вопросы официальных языков, труда и судопроизводства, поддерживает скрытое намерение обеспечить гегемонию английского языка. Действия в пользу языков в сфере образования, таким образом, является всего лишь алиби для гегемонии английского языка.

Геополитическая характеристика

Геополитический подход в значительной мере подкрепляет эти первые выводы.

Можно сопоставить социолингвистическое противопоставление между "мультилингвизмом" и "плюрилингвизмом", и противопоставление между геополитическими моделями Империи и государств-наций.

Для этого необходимо углубить понятие языка и прибегнуть к формулировке, данной Хансом Висманом (Heinz Wismann) и Пьером Жюде де ля Комбом (Pierre Judet de la Combe), которые противопоставляют в «Будущем языков» (*L'avenir des langues*) «служебный» или «функциональный язык» и «культурный язык».

Зачастую у нас присутствует чересчур механистическое, утилитарное, даже потребительское видение языка. Язык представляется кодом, подчиненным общению между людьми, независимым кодом мышления и культуры. Таким образом, можно поменять язык с такой же легкостью, как чехол для сотового телефона. Это слишком потребительская концепция, уходящая своими корнями в главенствующее течение современной лингвистики (Хомский (Chomsky)) и в психологию развития (Пьяже (Piaget)). Эта концепция присутствует во всем, что говорится и пишется на эту тему, в том числе и в инстанциях, занимающихся развитием языков, таких как Совет Европы. Культурное измерение - приложение, упоминаемое вскользь при переходе к основному, т.е. к функциональному языку, который лучше всего подходит для развития языковых компетенций. Один из ярких примеров, "Общеввропейские компетенции владения иностранными языками", начинаются так:

"Общеввропейские компетенции предоставляют общую базу для разработки программ по языкам, справочников, экзаменов, учебников и т.п. в Европе. Они насколько возможно подробно описывают то, что изучающие язык должны знать для использования его в целях коммуникации; они также перечисляют знания и умения, необходимые для успешного языкового поведения. Описание включает в себя также культурный контекст, поддерживающий язык".

Речь здесь не идет о том, чтобы осуждать "Общеввропейские компетенции владения иностранными языками", но стоит однако подчеркнуть, что функциональная концепция языка, которой они полностью пропитаны (культурное измерение присутствует, но побочно), разрушает цели, ради которых они были созданы. Функциональная концепция языка

позволяет поддерживать неопределенность целей.

Невозможно продвигаться вперед, пока не будет затронут вопрос снижения статуса языка до простого орудия коммуникации.

Путаница в умах

Эта глубинная неопределенность Комиссии может долго длиться из-за отсутствия ясности по этому вопросу у самих правительств, администраций, средств массовой информации, и, тем более, у семей. В том, что касается экономического мира, то утилитаристский подход естественным образом заставляет его склоняться к единому мышлению, единой культуре и единому языку, которые - одни, по его мнению, способны обеспечить единство мирового рынка.

В качестве примера, можно привести программу преподавания иностранных языков, опубликованную в Официальном бюллетене национального образования 26 апреля 2007 года, содержащую *Общее введение* к разным уровням преподавания, из которого мы приводим эту ошеломляющую выдержку:

«Язык - это инструмент, к помощи которого прибегают для решения большинства социальных задач: например, для разработки проекта, достижения цели, решения проблемы и т.д. Следуя терминологии Совета Европы, этот подход квалифицирован, как «деятельный», в той мере, что язык привязан к действию. Социальные задачи обычно требуют применения различных компетенций: основных (в том числе культурных), лингвистических, социолингвистических и прагматических.

Выражаясь ученическим языком, это приводит к тому, что языковые (грамматические, лексические, фонологические) и культурные компетенции служат для решения задач и не считаются самоцелью. (Социолингвистические и практические составляющие будут развиты и проиллюстрированы в сопроводительных документах).

Современные языки, составляющие общей культуры в колледже

Колледжу надлежит формировать у подростков критическое сознание и отдалять их от упрощенных концепций или образов. Изучение современных языков играет решающую роль в интеллектуальном и человеческом обогащении ученика, открывая ему не только языковое разнообразие, но и взаимодополняющий характер разных точек зрения, дабы привести его к построению общепризнанных ценностей.

Изучать современный язык, значит открывать для себя способы восприятия мира и других людей, которые могут сначала казаться обескураживающими. Для того чтобы чувствовать себя свободно в языке не достаточно смочь произнести несколько фраз; необходимо знать не только его социальные обычаи, но и культурный фон...»

В этом, на первый взгляд безупречном, тексте обнаруживаются все составляющие, ведущие к превращению языка в инструмент, к разделению языков и культур, к восприятию их как диалектов, имеющих отношение к всеобщим ценностям и к реальному миру, который является по отношению к ним внешним и превосходящим, словно языки и культуры как раз и не являются средством достижения универсального.

Так что, язык - это всего лишь условность. Изучать его нужно при условии, что он окажется полезен, и польза, (хоть об этом не говорится открыто, но это проистекает из сути текста), состоит в том, что язык будет одинаковым для всех, воспитательным прет-а-порте, вроде общей основы, или варианта общей основы, который является всего лишь жизненным минимумом.

Идея не нова, но здесь не достает одного нюанса.

Начнем с цитаты из Дю Белле: «Языки не возникли из самих себя, как травы, корни и деревья (...), но вся их добродетель пробудилась для мира воли и вершит суд над смертными».

Рабле: «Ошибочно говорить, что у нас естественная речь: языки по своему положению являются произвольными, принятой народами условностью».

Конечно, в изречениях Дю Белле и Рабле, произвольный характер языка имел положительное значение. То, что сегодня говорится на данную тему куда более шатко.

Соссюр в «Курсе общей лингвистики» (*Cours de Linguistique Générale*, p. 100) также выдвигал идею о произвольном характере языка. Итак:

«Первый принцип: произвольность знака.

Связь, объединяющая означающее и означаемое является произвольной, или, поскольку мы подразумеваем под знаком совокупность, проистекающую от соединения означающего с означаемым, можно выразиться проще: языковой знак произволен».

Тем не менее, стоит заметить, что по Соссюру произволен языковой знак, но не язык, что не одно и то же.

Таким образом, формальные языки (математический, язык программирования), по своему устройению являются произвольными, но их структура таковой не является.

Отсюда происходят нижеследующие схемы, образованные от того, что именуется «аристотелевской триадой, которая перенимается поколениями философов и рассматривается, по выражению Ф. Растье, как "Система референтной направленности", в том смысле что:

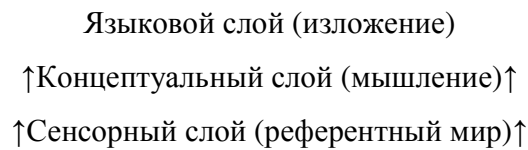
- Понятия построены из референтного мира
- Понятия кодированы словами
- Целое функционирует обратимо

Исходя из своего произвольного характера, язык должен быть нейтральным в отношении восприятия мира. Мы имеем код, который должен подражать статичной и вневременной реальности, которую нужно просто обнаружить.

Однако эту модель можно углубить, улучшить, таким образом, чтобы прийти к далеким от

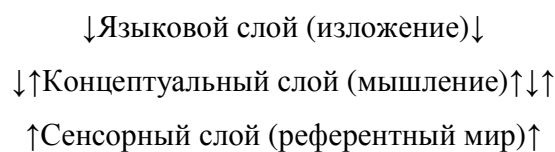
первичных заключениям, к позиционированию языка, превращающегося из кода в неизбежное и предельное посредничество между реальным миром, частью которого он является, и человеческим мозгом, который сам является его частью. Отважимся представить данное развитие при помощи трех моделей.

1) Язык как условность: референтная модель (модель кода, аристотелевская триада)

- Референтный мир единственный, постоянный и неизменный
- Референтный мир представлен концептами и закодирован в языке
- Язык и концептуализация являются внешними по отношению к референтному миру
- Целое функционирует обратимо

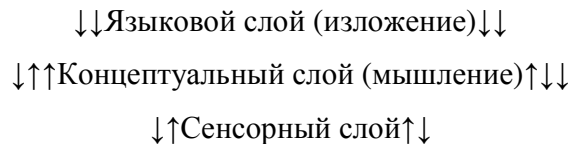
2) Языковая модель коммуникации (Роман Якобсон, Б.Потье и др.)

- Коммуникация - это возвратно-поступательное движение между коммуникатором и реципиентом
- Референтный мир расшифрован и закодирован (повествовательный канал)
- Код декодирован для представления реального мира (пояснительный канал)
- Аналогия с программным моделированием в материальном слое и слое, относящемся к программному обеспечению
- Язык и мышление независимы друг от друга

- Модель также обратима

3) Развернутая языковая модель

- Референтный мир - это продукт истории: он динамичный, развивающийся, специфический и открытый
- Язык обеспечивает структуризацию образа и участвует в построении референтного мира, который мы узнаем через представление, которое мы создаем о нем. Язык и мышление независимы друг от друга
- Язык и концептуализация являются частью референтного мира
- Модель необратима

Модель, вдохновляющая содержание общего вступления к указаниям по преподаванию языков министерства национального образования Франции, останавливается на второй из вышеприведенных схем и полностью игнорирует, что язык существует в глобальной системе, и, кроме того, в совершенно особом положении, которое обозначает Ф. Растье, говоря, что язык - это «среда». «Общее мнение о том, что языки являются инструментами общения, свидетельствует, вероятно, о двойной ошибке. С одной стороны, языки являются не инструментами, но средой, и частью мира, в котором мы живем - так, можем ли мы сказать, что воздух не является инструментом птиц. С другой стороны, если они служат для общения, они не в коей мере не ограничиваемы только таким применением, и сопровождают все виды человеческой деятельности».

Глобальная концепция языка

Язык - это не только средство для коммуникации. Вместо того чтобы говорить о функции, скажем, что язык обладает тремя основными, естественно, тесно переплетенными друг с другом измерениями, которые выражаются на различных уровнях в речевом акте.

Язык, прежде всего, *носитель и создатель смысла*. Он тесно и нерасторжимо связан с мыслительной деятельностью.

«В противоположность тому, что думает большинство людей, язык - это не просто грамматическая структура, с набором объединенных между собой, в согласии с синтаксическим кодом, слов; язык - это еще и, прежде всего, создание значения, основанное на наших чувствах. Таким образом, мы наблюдаем, интерпретируем и выражаем наш собственный мир, исходя из личного, географического и политического контекста» (Манифест переводчиков в поддержку языкового разнообразия (<http://www.tlaxcala.es/manifiesto.asp?section=2&lg=fr>))

Формулировка эта хоть и не новая, но столь основополагающая. Ганс Висман и Пьер Жюде де ля Комб подхватывают ее, говоря о «выразительном измерении языка». Это измерение влечет за собой все концептуальное измерение языка, а также то, которое подробно описано на 1531 страницах прекрасного труда, созданного под руководством Барбары Кассен (Barbara Cassin), а именно «Европейского словаря философий: лексикона непереводаемых понятий» (*Vocabulaire européen des philosophies - dictionnaire des intraduisibles*).

Но данная формулировка уже была выражена в 1934 году в работе «Мышление и речь» (*Pensée et Langage*) Львом Выготским (Lev Vygotski), который сказал, что «само движение мысли, идущее от идеи к слову, есть развитие. Мысль не выражается, а воплощается в слове».

Язык также является *способом коммуникации*. Это не только способ обмена информацией, но и способ взаимодействия с другими людьми. Через мысль или чувство, которую мы выражаем, мы воздействуем на других и наоборот. Этот асимметричный характер

коммуникации, по определению, не является нейтральным. Коммуникационная связь - это неравная связь. Речь идет об объективном факте, с которым мы ничего не можем поделать. Таким образом, термин «коммуникация» является достаточно обманчивым и играет, вероятно, усыпляющую роль. Скорее стоит говорить, о том, что язык является средством взаимодействия в человеческом обществе. Г. Висман называет это измерение языка «стратегическим измерением».

Наконец, язык это *способ помнить*, передавать навыки, идеи и ценности. Именно с изобретением письменности была поднята проблема истории и цивилизации. Представляется очевидным, что если коммуникация не включает в себя это измерение, то она сводится к чисто практическим, утилитарным аспектам.

Можно проиллюстрировать эту характеристику языков, например, посредством очень сильного понятия, неодинаково ассимилированного разными языками: понятия *светскости (laïcité)*.

Это чистый продукт нескольких веков истории, понять которые под силу только входящим в историю, тем, кому это было дозволено, или кто самостоятельно погрузился в социально-политический контекст - продукт этой истории.

Именно из-за этой особенности понятие *светскости* существует не во всех языках. Оно отсутствует не только в арабском языке, но и в английском и немецком языках. В английском языке есть слово *secularity*, а *laicity* не содержится ни в одном словаре. Тем не менее, оно употребляется, но не широко и его значение совпадает с *secularity*.

Быстрый поиск показал, что данное понятие существует в испанском языке, и что оно развивалось там при множестве отклонений в течение 19 века, в некотором параллелизме с существованием подобных отклонений во французском языке. Вероятно так же обстоят дела и в итальянском, и в португальском языках. Таким образом, понятие возникло в контексте конфликта между светской и религиозной властями, там, где прочно организованная религиозная власть (папство), претендовала также на осуществление светской власти, т.е. в католических странах.

Это ясно означает, что перенесение слова в другой язык не обеспечивает сохранности его

смысла. Если при переносе слово теряет свое значение, оно теряет при этом процессе свое качество языкового знака. Это уже не более чем ряд букв, которому реципиент даст значение, которое может не иметь ничего общего с изначальным значением, и потому послужить источником всяческих недоразумений, непониманий, противостояний и конфликтов.

Язык - это совокупность всех трех взаимозависимых аспектов. Все что мы называем культурными языками, т.е. все коренные языки, представляют эту сложность. Искусственные языки видимо не играют такой роли и по своему устройству являются специализированными. Они определяются своим предметом. Функции, имеющиеся у деградировавших языков, образовавшихся, в частности, от английского, представляют лишь малую часть, строго утилитарный и инструментальный аспект языка, и, естественно, убирают весь культурный материал, из которого он построен. Это то, что Ганс Висман и Пьер Жюде де ля Комб называют "служебными языками" в противоположность "культурным языкам".

Вы не можете поставить язык с одной стороны, а культуру с другой, и сохранять эту культуру, меняя язык. Ведь культуры - это не закрытые общности, а открытые системы, находящиеся в постоянном трении друг с другом, как во взаимном обмене, так и в столкновении. "Культуры формируются, развиваются, исчезают во взаимодействиях и конфликтах с другими культурами" (Ф. Растье).

Таким образом, существует только три способа для проникновения в свою культуру и в другие культуры: перевод, искусство и язык.

Теперь, на основе функций языков и различия между культурным языком и служебным языком, мы можем углубить модели мультилингвизма/многоязычия и плюрилингвизма.

Противопоставление между "служебным языком" и "культурным языком" существует больше на уровне употребления, чем компетенции. Коренной житель будет пользоваться своим языком в качестве культурного языка и сможет использовать его в зависимости от контекста в качестве служебного языка, как и переходить от одного к другому, просто меняя регистр. Некоренной житель тоже может употреблять язык, который не является его родным языком, в качестве культурного языка. Это не вопрос уровня компетенции, поскольку обучение (в рамках школы или вне ее) может включать с самого начала культурные элементы, благодаря

которым даже при среднем уровне языковой компетенции, некоренной житель может располагать элементами, допускающими подлинное общение.

Две несовместимые модели

При наложении трех языковых измерений на модели мультилингвизма/многоязычия и плюрилингвизма, мы обнаружим возникновение острых противостояний.

В имперской модели мультилингвизма/многоязычия населения являются одноязычными и мало общаются между собой. Они общаются с доминирующей мощью языка Империи и этот же язык используют для общения между собой. Коммуникативная модель - это модель ограниченная практически переговорами: мы общаемся, не зная самих себя. Служебным языком умело пользуются полноправные выходцы из Империи, наделенные привилегией использовать во всем его великолепии, т.е. в качестве культурного языка. В этом случае язык является, прежде всего, орудием власти.

Разумеется, речь идет о модели, однако ее исторические воплощения легко обнаружить: Соединенные Штаты сначала уничтожали индейские племена, потом заперли их выжившую часть в резервациях, британцы выслали из страны акадийцев (американские авторы называют войну 1756-1763 гг. "The French and Indians War"), часть которых обосновались в Луизиане. Квебеку удалось выжить благодаря своей демографической энергии, религии и языку.

Конечно, могут быть найдены и другие примеры, их множество в истории Центральной, Восточной Европы и на Балканах. Так что, это универсальная модель.

Об этом пишет Барбара Кассен в своей последней книге «ПоГугли меня. Вторая миссия Америки» ("Google-moi. La deuxième mission de l'Amérique"). Современное развитие, если его экстраполировать, переместит культурные языки Европы (все языки которой, естественно, являются культурными) в ранг диалектов. Разумеется, элиты будут «спасены верхом», они уже начали это делать, чтобы все повторилось, и доминирующий язык познал участь латинского языка: процесс дифференциации доминирующего языка, его закат, кристаллизация и т.д. Вопрос «быть или не быть», «исчезнуть или бороться».

Другая модель - модель плюрилингвизма, признает различия и взаимообмен. Через язык узнаешь другого, и его узнаешь, потому что его знаешь. Отсутствует постоянная жажда завоеваний. Мы договариваемся, действуем сообща. Это не идеальный мир, но это мир, уменьшающий риск возникновения войны, и более благоприятный для спокойствия и процветания. Это мир, в котором меньше неравенства, ведь он не основан на чем-либо господстве. Это более творческий мир, поскольку творчество подпитывается через взаимообмен. Эту модель можно пожелать для Европы. Со времен окончания Второй мировой войны она внедряется в Европе, но не в остальном мире. Она вдохновляла основателей Европы и встречу Де Голль - Аденауэр.

Существует ли угроза для данной европейской модели? Мы полагаем, что да. По этой причине плюриязычный проект - проект культурной Европы, является в высшей степени политическим проектом.

Задачей Обсерватории является внесение предложений по этому вопросу. Есть ли способ выйти из противостояния, похожего на Столетнюю войну между англоязычным и франкоязычным мирами, в котором остальным языкам отведена роль наблюдателей.

Не уверен, что это идеологическое противостояние на фоне геополитических интересов, затрагивающее передовые бастионы языковой битвы во главе с Британским Советом, действительно оставляет след в умах. В странах одноязычной культуры, каковыми является большинство западноевропейских стран, изучение английского языка рассматривается не как самоцель, но как этап к плюрилингвизму. В этом видят раскрытие, и немногие осознают существующий риск оказаться взаперти.

Конструктивное заключение

Сегодняшняя конструктивная позиция состоит в том, чтобы объяснять, что знание английского языка - безусловно, козырь, но что его нужно применять к месту, не делая из него способ отличия, дифференциации, дискриминации. Не останавливаясь на имеющей место нелепости некоторых французских министров, использующих свои познания в английском для того, чтобы покичиться, и учитывая расширение базисных познаний в английском языке, именно плюриязычная компетенция станет будущим критерием для дифференциации. Мы

говорим «плюриязычная компетенция», а не плюрилингвизм, поскольку речь здесь идет не о числе, а об особенной компетенции, которая является не даром свыше, но приобретаемой способностью к изучению языков и к пониманию различия между культурным языком и служебным языком. Культурный язык позволяет понимать друг друга, а служебный - только общаться. Роль национального образования состоит в том, чтобы его развить и сделать доступным для наиболее широкого круга людей, что является основополагающим условием социальной сплоченности.

